

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81.114

DOI: 10.17223/26188422/6/6

Н. М. Байбатырова

ТЕМА ЧИСТОТЫ РУССКОГО ЯЗЫКА И СОХРАНЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО НАСЛЕДИЯ В ПУБЛИЦИСТИКЕ АВТОРОВ «ТРЕТЬЕЙ ВОЛНЫ» РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

В статье анализируется научно-публицистическое творчество авторов русского зарубежья, которые писали о чистоте русского языка в покинутом СССР и о проблемах сохранения языкового наследия. Представители «третьей волны» русской эмиграции подчеркивали, что русский язык является культурно-историческим фундаментом нации, поэтому важно сохранить его чистоту. Писатели, публицисты и журналисты понимали, что процессы, происходящие в русско-советской лексике и грамматике, могут существенно пошатнуть культурно-исторический фундамент нации.

Ключевые слова: языковое наследие, русский язык, авторы-эмигранты, чистота языка, публицистика.

В СССР русский язык был основным и единственным языком межнационального общения. Безусловно, за десятилетия коммунистического режима в языке происходили изменения как на уровне лексики, так и в синтаксическом плане. Общественные деятели, писатели, публицисты, издатели и журналисты, покинувшие Советскую Россию во второй половине XX в., с интересом обсуждали и высказывали свою позицию относительно проблем влияния коммунистической идеологии на русский язык. Многие с сожалением отмечали необратимые процессы превращения живого языка в застывшую, полную советских штампов речь.

Подавляющее большинство представителей творческой интеллигенции «третьей волны» русской эмиграции оказались за рубежом по собственной воле, что отличало их от предшествующих эмигрантских потоков. Однако многие покинувшие СССР после 1970-х гг. писатели, публицисты и журналисты испытывали на родине те или иные формы политического давления, некоторые пережили политическое

преследование и травлю. Изначально они не имели целью сохранение русской культуры и русского языка за рубежом и собственное возвращение в Россию. Необходимо отметить, что среди выехавших на новое место жительства за рубеж было много представителей еврейского этноса. Именно поэтому «третью волну» эмиграции часто называют «еврейской», «этнической». В позднесоветский и постсоветский периоды в русской эмиграции, центром которой в 1980–1990-х гг. стали Нью-Йорк и Израиль, авторы, не стесняясь, высказывались в адрес покинутой страны и бывших соотечественников. Они осваивали новые методы и приемы публицистического и литературно-критического творчества, зачастую оттачивая сатирический слог в изданиях, посвященных политике, экономике, социальной сфере покинутой страны.

Одной из волнующих русское зарубежье тем была проблема трансформации русского языка в Советском государстве. Представители русского зарубежья второй половины XX в. знали ситуацию с изменениями в русском языке изнутри. Родившиеся, получившие образование и социализировавшиеся в Советском Союзе публицисты и журналисты-эмигранты до выезда за рубеж не имели представления об иной социально-политической и культурной реальности. Покинув СССР в 1970–1980-х гг., В.П. Аксенов, В.Н. Войнович, А.И. Солженицын, А.Д. Синявский, А.А. Зиновьев, С.Д. Довлатов, одиозный писатель, политик и публицист Э. Лимонов, П.Л. Вайль и А.А. Генис, М.Н. Эпштейн могли свободно высказываться о негативных явлениях в русском языке в условиях социалистического режима в СССР.

Авторы русской эмиграции сосредоточили свое внимание на анализе и осмыслении влияния общественно-политического строя на русский язык. Попытки лингвистических исследований помогали прогнозировать дальнейшие пути развития страны, аргументированно оценивать перспективы ее национального возрождения. В силу многих причин авторы русского зарубежья не могли быть совершенно беспристрастны при оценке исторических событий прошлого.

Характерной чертой публицистических текстов представителей русского зарубежья на тему сохранения чистоты русского языка было то, что авторами-диссидентами, эмигрировавшими из Советской России во второй половине XX в., высказывались нестереотипные, уникальные и смелые суждения о роли языка в политике и истории государства. Одной из главных особенностей публицистики русского за-

рубежья 1970–1990-х гг. является ее акцент на исторической документальности.

Тотальное клиширование русского языка для представителей интеллигенции стало предметом для многочисленных публикаций. Уставшие от штампов, они первоначально распространяли самиздатские странички на родине, а затем стали печататься в русскоязычных изданиях за рубежом. «Сдвиги и перемены, происшедшие после революции в русском языке, так велики и значительны, что заставляют думать об особом советском изводе русского языка», – заявлял в публицистической книге «Основы советской цивилизации» известный писатель, издатель и публицист Андрей Донатович Синявский [1. С. 273]. В главе «Советский язык» автор описывал процесс смены государственно-юридической терминологии после Октябрьской революции, когда в обиход прочно вошли словосочетания «диктатура пролетариата», «советская власть», «совет рабочих и крестьянских депутатов». Он проанализировал лексические новообразования, появившиеся в отдельные десятилетия советского периода. Коммунистические лозунги А.Д. Синявский соотносил с символическими заклипаниями, а особые эпитеты («рабочий» или «рабоче-крестьянский», «революционный», «социалистический», «коммунистический», «государственный») – с политическим госзаказом. Отдельно им были исследованы феномен советских аббревиатур и навязчивая тенденция к переименованию имен собственных по правилам советской номенклатуры. «В стремлении советской власти все переименовывать есть что-то иррациональное, какая-то внутренняя неполноценность. Как если бы государство спешило названиями подменить действительность», – заключал автор «Основ советской цивилизации» [1. С. 278]. А.Д. Синявский полагал, что «язык улиц» стал давить на русскую литературную речь. При этом огромную роль сыграл советский быт, грубый и упрощенный, заставляющий человека приспособливаться к новому языку. И даже многие советские руководители, по утверждению автора, не могли словами выразить свою мысль, потому что «безграмотны, грубы и примитивны».

Одна из известных и уважаемых фигур «третьей волны» русской эмиграции, писатель, публицист и общественный деятель Александр Исаевич Солженицын неоднократно высказывал свое мнение о роли и судьбе русского языка в мировой культуре, анализировал причины и последствия глобальных перемен, происходящих в языке в послере-

волюционный период. Еще до вынужденной эмиграции, в 1965 г. в «Литературной газете» вышло в свет эссе А.И. Солженицына под названием «Не обычай дегтем щи белить, на то сметана» [2]. Позднее эта публикация появилась в 1975 г. на английском языке в журнале *Russian Literature Triquarterly* («Русская литература за три четверти года»), она была напечатана в американском издательстве русскоязычной литературы «Ардис». Материал был написан в форме полемиического отклика на статью академика В.В. Виноградова. А.И. Солженицын высказывался в защиту исконно русской лексики, считая, что «главная порча русской письменной речи – мы сами, каждое наше перо, когда оно поспешно, когда оно скользит слишком незатрудненно» [2. С. 10]. С тревогой и болью он отмечал, что язык деградирует: «Так в убыстренный век разговорный словарный запас общества становится (не считая терминов) клином, сужающимся во времени. Это тревожно. Нам бы суметь обернуть клин, перекинуть узкую часть назад, а вперед он пусть расширяется» [2. С. 12]. Автор подчеркивал, что процессы развития национального языка не должны происходить стихийно и бесконтрольно, надо подвергать их разумному анализу: А.И. Солженицын стал автором уникального «Русского словаря языкового расширения» [3], в котором были собраны и истолкованы выпавшие и исчезающие из употребления лексические единицы.

Фундаментальный труд супругов Андрея и Татьяны Фесенко «Русский язык при Советах» [4] был посвящен исследованию трансформации русского языка после Октябрьской революции 1917 г. и содержал обширный иллюстративный материал. В данной работе были представлены образцы живой речи, цитаты из советской прессы, а также из широко известных произведений советской литературы. Авторы книги изучали такие явления в языке советской эпохи, как бюрократизация и политические штампы, советизмы, введение элементов революционной лексики в географические названия, блатные элементы советского языка. Отдельная глава была посвящена орфографическим, грамматическим, лексико-семантическим и фонетическим особенностям русского языка советского периода. А. Фесенко и Т. Фесенко были уверены, что язык «стремится к избавлению себя от паразитарных элементов» [4. С. 199]. Они писали: «Засорение языка параллельно сопровождается и обеднением его, а именно выпадением из речевого и литературного обихода целых лексических рядов, являющихся не только самодовлеющими, но и дающими часто материал

для иносказания, образного языка поэзии, сублимирующей в себе язык обыденной прозы. Здесь можно упомянуть почти полное исчезновение таких лексических комплексов, как религиозный, мифологический и многие другие» [4. С. 204].

Обнищание русского литературного языка и превращение его в идеологический инструмент и продукт агитпропа – одна из тем обсуждения в эмигрантской прессе второй половины XX в. Так, в эмигрантском журнале «Беседа» автор Николай Алексеев сопоставлял лексику западной и советской рекламы. Он констатировал: «При этом советская “реклама идей” превосходит свободой обращения с материалом западную рекламу вещей. Абсолютно абсурдное заявление типа “Ленин и сейчас живет всех живых” или “Ленин – самый человечный человек” возможно именно в царстве полых людей» [5. С. 86–87]. Как отмечал Н. Алексеев, любое словесное отклонение от лингвистического стандарта рассматривается как политическая ошибка, а то и как преступление.

В публицистической книге «Потерянный рай. Эмиграция: Попытка автопортрета» [6] тандем авторов русского зарубежья Петр Вайль и Александр Генис сатирически высмеивают клишированность и официоз в русском языке советского периода. «Самые невинные обороты – “добрая традиция”, “с заботой о людях”, “щедрый гектар”, “истинное лицо”, “быстрые секунды”, “в порядке самокритики” и даже “большое чувство” – звучат как “ом мане падме хум” тибетских монахов: смысл утерян, но значительность осталась», – описывают они ситуацию с тотальной диктатурой, которая проявляется в СССР на уровне языка [6. С. 66]. П. Вайль и А. Генис поднимают такую важную тему, как языковая цензура. Они утверждают, что полностью исчезла словесная оппозиция, а она крайне необходима русскому языку. Однако естественным ответным шагом стали многочисленные анекдоты, частушки, блатные песни не самого лучшего качества. Процесс их внедрения в народ стал лавинообразен и неостановим.

Вместе с тем советские официальные журналы и газеты «забрали», по утверждению авторов, лучшие лексемы русского языка: «Имея возможность их тиражировать, идеология наводнила хорошими словами страну. Газеты, радио, лозунги, ораторы твердили: Родина, честь, патриот, совесть, демократия, свобода. Идеология – это слова. А слова заняты» [6. С. 68]. П. Вайль и А. Генис с грустью рассуждали о том, что русский язык, на котором написана величайшая в мире ли-

тература, становится мертвым и нежизнеспособным. Молодые люди в СССР протестуют и намеренно бравировать жаргонизмами, демонстрируя неуважение к идеологизированным словам, которые когда-то были предельно нейтральными. «Тотальное огрубление языка – непродуктивно, как непродуктивен цинизм. Но как цинизм держит круговую оборону, разрушая подступающие фальшивые ценности, так сознательное стилевое снижение успешно противостоит натиску осточертевших клише» [6. С. 71].

Такие процессы приводят, по убеждению авторов, к созданию «квазиязыка». При этом слово не только утрачивает свой обычный и первоначальный смысл, но и вообще низводится до некой интонации, которая выражает человеческие эмоции и чувства. Речь физиологизируется, т.е. принимает облик набора одних нечленораздельных звуков и отдельных слов. «Знаменитые, воспетые поэтами и прозаиками московские, киевские, одесские, рижские кухонные разговоры... Российское свободное слово, прежде чем уйти в эмиграцию, прошло проверку в небольшом промежутке между пли той и помойным ведром», – так вспоминали о функционировании русского языка П. Вайль и А. Генис [6. С. 170].

Авторы-эмигранты «третьей волны» особое внимание уделяли вопросам чистоты русского языка, который спустя несколько десятилетий коммунистического режима нес на себе несомненный отпечаток советской системы. Они изучали и критиковали язык, являющийся детищем XX в. «Целиком национализированный государством, советский язык насаждается и культивируется коммунистами как универсальный заменитель русского языка. Он постепенно проникает во все сферы духовной деятельности человека – литературу, искусство, науку. Семантика этого языка отражает не социальную реальность, а идейное мифотворчество; она выявляет не объективные общественные процессы и явления, а коммунистическое мировоззрение в его наложении на действительность», – отмечал в 1985 г. израильский и американский историк, социолог и политолог Илья Григорьевич Земцов [7. С. 7]. Он эмигрировал из СССР в 1973 г. сначала в Израиль, а затем в США.

Научно-публицистический труд И. Земцова «Советский политический язык» [7] был оформлен в виде словаря, где собраны слова и словосочетания непосредственно политической и философской сфер («антикоммунизм», «аполитичность», «дружба народов», «дально-

видная политика», «исторические решения», «ленинский», «бесмертный» и др.). Также автором фиксировались и объяснялись слова и словосочетания, характеризующие различные реалии советской действительности («очередь», «жилплощадь», «давать»); охватывающие советскую производственную систему и экономические отношения в СССР («бригада коммунистического труда», «постоянно действующее производственное совещание», «штурмовщина», «шефство», «вахта»). Анализировались традиционно русские лексемы оценочного характера, получившие пропагандистский оттенок в советском языке («пресловутый», «животворный», «отчаянный»).

И. Земцов исследовал психологические ловушки, которые таил лексикон русского языка советского периода. В работе подчеркивалась бедность оборотов, шаблонность фраз, искажение пропорций и контуров действительности средствами языка. Автор отмечал, что советский язык достиг уровня, позволяющего заменить процесс познания лозунгом, марксистской догмой: «Вперед, навстречу коммунизму!», «Слава партии!», «Все – на коммунистический субботник!». Вместе с тем автор был уверен, что русский язык есть уникальный культурный, цивилизационный феномен, который призван объединять и консолидировать народы.

Как было отмечено выше, «третью волну» русской эмиграции часто именовали «этнической», поскольку после 1970-х гг. из СССР устремился поток выезжающих по еврейским визам. Многие отправлялись в Израиль, другие оседали в США, Европе. Проблема забвения русского языка у представителей эмигрировавшего еврейского этноса обозначена в материале Бориса Орлова «Не те вы учили алфавиты...» [8], опубликованном в журнале «Время и мы» в 1975 г. Он писал об абсорбции (поглощении, всасывании) и разрушении старых связей у бывших советских, русскоязычных граждан еврейской национальности. «Не стоит напоминать, что речь идет только об определенном поколении, ибо уже наши дети поражают больше успехами в забвении русской речи и русской культуры, чем в познаниях еврейской истории и литературы», – с сожалением писал Б. Орлов [8. С. 129]. Он попытался проанализировать соотношение этнических культурных доминант и влияние русского языка и русской культуры на еврейских эмигрантов, подчеркивая раздвоенность души русско-еврейского интеллигента.

Другой представитель «третьей волны» русской эмиграции – Михаил Наумович Эпштейн, покинувший родину на закате советской

эпохи, в 1990 г., является нашим современником. Энциклопедические знания в области лингвистики и других научных дисциплинах позволили выпускнику филфака МГУ стать известным в сфере лингвистики и литературоведения, философии и культурологии, журналистики и публицистики. Автор исследовал советскую идеологию и философию послесталинского периода. Особенно ценным являются логико-лингвистическое изучение языка советской идеологии, а также отражение в речи культуры советской повседневности.

Следует подчеркнуть, что появление негативно-оценочного понятия «совок» приписывают М.Н. Эпштейну. Слово возникло на страницах философско-мифологического очерка о советском социуме «Великая Сось» [9]. Книгу не опубликовали в России, она увидела свет в Нью-Йорке в 1994 г. «Характерно, что слово “совок” в массовом употреблении приобрело то презрительное и даже издевательское значение, которое в моей книге даже не подразумевалось», – объяснял автор [10]. «Совками» он назвал в «Великой Соси» людей-трудяг, занятых добыванием пищи для себя и вышесидящих. М.Н. Эпштейн активно использовал в очерке паронимы и каламбуры. Автор проводит в «Великой Соси» окказиональный словотворческий эксперимент. Само понятие «сось» выводит читателя на идею о тотемических основах и метафорических смыслах тоталитарного общества. М.Н. Эпштейн рассматривает значения слов: *сось* – находиться в странном состоянии между жизнью и смертью, жить как будто во сне, впадать в дремотное состояние вследствие усталости или опьянения; *сось* – предлагать и навязывать другим то, чего они не просят; *сось* – вмешиваться в чужие дела; *сось* – учить всех, как нужно жить, в том числе и сось с (непрощеными) советами. Необходимо отметить, что в настоящее время М.Н. Эпштейн продолжает активно трудиться в направлении изучения философии и культуры постсоветской России.

Таким образом, авторы русского зарубежья второй половины XX в. были озабочены проблемами сохранения чистоты и уникальности русского языка. Филологи и публицисты-эмигранты с интересом исследовали процессы, происходившие в системе русского языка в условиях Советского государства. Они с сожалением писали о фактах искажения языка посредством массового внедрения советских канцеляризмов, бюрократизмов, констатировали обнищание исконно русского пласта лексики. Представители «третьей волны» русской эми-

грации критиковали нормализованный язык, где за основу, за норму брались слова и обороты, пользовавшиеся распространением в партийной пропаганде и политической агитации, они осуждали язык партийно-газетных штампов. Многие авторы русского зарубежья предлагали конкретные меры по развитию и сохранению русского языка, а также видели свою миссию в расширении культурного пространства русского языка.

Литература

1. Синявский А. Д. Основы советской цивилизации. М., 2002. 461 с.
2. Солженицын А. И. Не обычай дегтем щи белить, на то сметана // Публицистика : в 3 т. Т. 2: Общественные заявления, письма, интервью. Ярославль, 1996. С. 7–12.
3. Русский словарь языкового расширения / сост. А. И. Солженицын. 3-е изд. М., 2000. 280 с.
4. Фесенко А., Фесенко Т. Русский язык при Советах. Нью-Йорк, 1955. 224 с.
5. Алексеев Н. Между агитпромом и рекламой // Беседа. 1988. № 7. С. 80–100.
6. Вайль П., Генис А. Потерянный рай. Эмиграция: Попытка автопортрета. Москва ; Иерусалим, 1983. 217 с.
7. Земцов И. Советский политический язык. Лондон, 1985. 431 с.
8. Орлов Б. Не те вы учили алфавиты... // Время и мы. 1975. № 1. С. 127–138.
9. Эпштейн М. Великая Сось. Философско-мифологический очерк. Нью-Йорк, 1994. 177 с.
10. Дар слова: Проективный лексикон русского языка. URL: <http://www.emory.edu/INTELNET/dar118.html> (дата обращения: 18.09.2019).

The Theme of the Purity of the Russian Language and the Preservation of the Language Heritage in the “Third Wave” of Russian Emigration Authors’ Opinion Journalism

Voprosy zhurnalistiki – Russian Journal of Media Studies. 2019. 6. pp. 97–107.

Nailya M. Baybatyrova, Astrakhan State University (Astrakhan, Russian Federation).

E-mail: aulova83@mail.ru

DOI: 10.17223/26188422/6/6

Keywords: linguistic heritage, Russian language, emigrant authors, purity of language, journalism.

The article is devoted to the analysis of the scientific and journalistic creativity of the authors of the Russian diaspora who wrote about the purity of the Russian language in the abandoned USSR and about the problems of preserving the language heritage. Representatives of the “third wave” of Russian emigration stressed that the Russian language is the cultural and historical foundation of the nation, so it is important to preserve its purity. Writers and journalists realized that the processes taking place in the Russian-Soviet vocabulary and grammar could significantly shake

the cultural and historical foundation of the nation. In the USSR, Russian was the main and only language of the interethnic communication of the Soviet people. Over the course of the decades of the USSR's existence, there had certainly been changes at the vocabulary level, as well as in the syntax. Public figures, writers, opinion journalists, publishers and journalists who left Soviet Russia in the second half of the 20th century eagerly discussed and expressed their position on the problems of the communist ideology's influence on the Russian language. Many regretted the irreversible processes of transformation of the living language into a frozen speech full of Soviet clichés. Journalists claimed that the literary opposition had completely disappeared, and it was extremely necessary for the Russian language. However, the natural response to the process was numerous jokes, chastooshkas, criminals' songs of low quality. The "third wave" of Russian emigration was often called "ethnic", since, after the 1970s, a stream of people leaving for Jewish visas rushed from the USSR. They wrote about the absorption and the destruction of old ties with former Soviet Russian-speaking citizens of Jewish nationality. The authors of the Russian abroad of the second half of the 20th century were concerned with the problems of preserving the purity and uniqueness of the Russian language. Emigrant philologists and opinion journalists studied with interest the processes that took place in the Russian language system under the conditions of the Soviet state. They wrote with regret about the facts of distorting the language through the mass introduction of Soviet clericalism, bureaucracy, and noted the impoverishment of the primordial Russian layer of the vocabulary. Many authors of the Russian abroad proposed concrete measures for the development and preservation of the Russian language, and also saw their mission in expanding the cultural space of the Russian language.

References

1. Sinyavskiy, A.D. (2002) *Osnovy sovetskoy tsivilizatsii* [Fundamentals of Soviet Civilization]. Moscow: Agraf.
2. Solzhenitsyn, A.I. (1996) *Publitsistika: v 3-kh t.* [Opinion Journalism: In 3 Vols]. Vol. 2. Yaroslavl: Verkhne-volzhscoe kn. izd-vo. pp. 7–12.
3. Solzhenitsyn, A.I. (2000) *Russkiy slovar' yazykovogo rasshireniya* [Russian Dictionary of Language Extension]. 3rd ed. Moscow: Russkiy put'.
4. Fesenko, A. & Fesenko, T. (1955) *Russkiy yazyk pri Sovetakh* [Russian Language During the Soviets]. N.Y.: [s.n.].
5. Alekseev, N. (1988) *Mezhdru agitpromom i reklamoy* [Between Agitprom and Advertising]. *Beseda*. 7. pp. 80–100.
6. Vayl, P. & Genis, A. (1983) *Poteryanny ray* [Paradise Lost]. Jerusalem: Moskva-Ierusalim.
7. Zemtsov, I. (1985) *Sovetskiy politicheskiy yazyk* [Soviet Political Language]. London: Overseas Publications Interchange Ltd.

8. Orlov, B. (1975) Ne te vy uchili alfavit... [You Learned Wrong Alphabets . . .]. *Vremya i my*. 1. pp. 127–138.
9. Epstein, M. (1994) *Velikaya Sov'. Filosofsko-mifologicheskii ocherk* [Great Sov'. A Philosophical-Mythological Essay]. N.Y.: Slovo.
10. Dar slova. (2005) *Proektivnyy leksikon russkogo yazyka* [Projective Vocabulary of the Russian Language]. [Online] Available from: <http://www.emory.edu/INTEL-NET/dar118.html>. (Accessed: 18.09.2019).